

ПУТИ КОЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ В СРЕДНЕОБСКОМ РЕГИОНЕ И ЕГО УРАЛО-СИБИРСКИХ ОКРЕСТНОСТЯХ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2007 Ф.Н. Рянский, Б.А. Середовских

Нижевартовский государственный гуманитарный университет, г. Нижневартовск

В результате синтезирующих историко-географических исследований авторами для территории Среднего Приобья за историческое время выделено 17 этапов сочетаний климатических, экологических перестроек и взаимосвязанных с ними экономики и социума. С конца XX в. мы живем и будем жить весь XXI в. в XVIII в. Исходя из выявленных нами тенденций было бы рациональным выстроить верный тренд в контексте программируемых общественных последствий.

Вопросу взаимосвязи или коэволюции человеческого общества и ландшафтной сферы Земли посвящены многочисленные публикации [4, 6, 12, 18]. Установлено, что за историческое время в бассейне Средней Оби закономерно происходили крупные биосферно-климатические перестройки, существенно менявшие условия выживания и развития проживающих здесь этносоциальных сообществ. Под воздействием кардинальных перемен природных условий продуцировались процессы адаптации, прогрессивные и регрессивные изменения и эволюция Среднеобской ойкумены. У современной истории природы и людей существуют свои закономерности. Извечно повторяющиеся циклические биосферно-климатические перестройки заставляли человека либо мигрировать в более привычные места, либо видоизменять или дополнять способы природопользования и хозяйствования, а иногда интегрироваться с более приспособленными пришельцами или аборигенами. Экономика сначала вступала в противоречие с меняющейся природной средой, а затем, когда климат стабилизировался, постепенно к нему адаптировалась, меняя весь хозяйственный уклад, а за ним и быт, и даже мировоззрение.

На наш взгляд, к числу процессов, имеющих существенное влияние на функционирование геосистем на региональном уровне, относятся естественные циклы смены состояний в истории Земли. Характерной особенностью протекания таких процессов является геофизический комплекс целого ряда природных периодических изменений, к которым относятся сменяющие друг друга резкие колебания сухости-влажности и тепла-холода, что проявлялось через экономически

значимые засухи и наводнения. За основу принята таблица иерархии временных этапов [12]. Ритм в 12 лет является базовым - XIX ранга. Мы сделали попытку сопоставить ритмы и кульминации определенного ранга с этапами климато-ландшафтных перестроек и взаимосвязанных с ними изменений экономики и социума Среднего Приобья.

Сочетания климатических, экологических перестроек и взаимосвязанных с ними экономики и социума можно выделить в отдельные этапы. В результате синтезирующих историко-географических исследований авторами выделено для территории Среднего Приобья за историческое время семнадцать подобных этапов и перестроек. С конца XX в. мы живем, и будем жить весь XXI в. в XVIII в. [1].

Несомненная длительная устойчивость социальных и хозяйственных систем на севере Западной Сибири требует глубокого и всестороннего анализа, который во многом должен иметь как культурологическую, так и историко-географическую направленность.

Причем для всестороннего понимания механизма взаимодействия географической среды и человека в древности необходимо решение следующих задач:

- дальнейшее всестороннее развитие палеогеографических исследований;
- изучение палеоклимата в динамике;
- рассмотрение влияния природных изменений на расселение населения и его хозяйственную деятельность;
- рассмотрение влияния антропогенного фактора в древности и в настоящее время на динамику природных процессов.

В основу исследования хозяйства древнего населения Западной Сибири нами были положены следующие принципы, обозначенные в работах М.Ф. Косарева [8]:

- Учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых происходит социально-экономическое развитие населения.
- Анализ производительных сил общества (по археологическим материалам, во взаимной связи с палеогеографией, этнографией и экологией).
- Исследование развития хозяйства не отдельных культурных комплексов, а широких этнокультурных ареалов.

Актуальность последнего принципа выражается в следующем. Если мы начнем устанавливать пространственные рамки территории исследования только в границах Среднего Приобья, то обнаружим, что географическая протяженность умпостигаемого поля исследования уходит далеко за пределы ХМАО и охватывает северное побережье Западной Сибири от Печоры до Таймыра, западные предгорья Урала, на востоке - бассейн Енисея, Алтай и Саяны, а на юге - всю степную и даже пустынную зону Средней Азии и Казахстана вплоть до Ирана и Монголии.

Причем, в течение длительной и событийной истории заселения территории Западной Сибири «силовые линии» освоения менялись на диаметрально противоположные как в направлении «север-юг», так и «запад-восток».

Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры в разных ландшафтных зонах Западной Сибири и ее урало-сибирских окрестностях способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности, практически на всей территории Западно-Сибирской равнины возникали и развивались различные варианты племенных и межплеменных археологических культур, которые фиксируют те или иные этнические взаимоотношения и дают нам ответ на вопрос - каким образом шло интенсивное освоение территории при относительном консервативном уровне техники и малом числе социальных структур.

В оценке особенностей этнокультурного и социально-экономического развития различных частей Западной Сибири на разных временных этапах конечно же необходимо учитывать нестабильность и изменчивость географической среды в связи с периодическими изменениями климатических условий. Крупные природно-клима-

тические пароксизмы постепенно приводили к радикальной перестройке ландшафтной растительной зональности.

В разные исторические эпохи местное население по-разному приспособлялось к меняющейся географической среде своего обитания, конечно же в соответствии с уровнем развития производительных сил. Обычно это происходило путем увеличения удельного веса наиболее рациональных в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отраслей хозяйства. При присваивающем натуральном хозяйстве конкретная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее завершающее звено. Эта закономерность особенно характерна для лесоболотной зоны Среднего Приобья, где не так уж много сухих, хорошо дренированных участков, пригодных для проживания. Чрезмерный прирост населения в таком случае приводил к истощению природных ресурсов в округе, а попытки расселения на сопредельных территориях - к напряженности отношений и противостоянию, так как свободных угодий было мало.

За многотысячелетнюю историю племени, населяющие Западно-Сибирскую равнину и ее урало-сибирские окрестности, то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составляющие их люди вливались в состав других этносов и ассимилировались ими (так, например, из южных хантов и манси и тюркоязычных кимаков сформировался субэтнос сибирских татар). В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия, во втором - возникало состояние социального застоя, что в аспекте географии определяется термином «этноландшафтное равновесие».

Разнообразие природных условий Западной Сибири, выражающееся в наличии здесь нескольких разных ландшафтно-растительных и климатических зон, определило несходство хозяйственного уклада западносибирского населения, направляя его производственные возможности то в сторону охоты, рыболовства, то пастушества или земледелия, ускоряя либо замедляя усвоение новых технологий производства, способствуя или препятствуя увеличению плотности населения и т.д.

Многообразие проявления материальной и духовной культуры народов Западной Сибири отражает устойчивость взаимоотношений с ландшафтами и во многом обусловлено природной средой, хотя эта связь, как правило, опосредова-

на, а ее корни уходят в далекое прошлое. Хозяйственные навыки, формы природопользования, образ жизни и культурные традиции, с одной стороны, являются результатом адаптации этноса в материнском ландшафте, а с другой стороны, приспособлением к условиям измененной, антропогенезированной среды. Рассмотрение различных аспектов традиционного природопользования - это прежде всего анализ исторического опыта приспособления этноса к окружающей среде.

На наш взгляд, можно выделить как наиболее существенные и значимые процессы коэволюционного развития, сосуществования соседствующих этносов, основанные на поисках компромисса, заимствованиях различных элементов быта, хозяйствования, образа жизни, выраженных впоследствии в языках [15]. Каждый этнос и суперэтнос в своем развитии занимает определенные ландшафты с четко ограниченными природными рубежами, и отличается типом хозяйствования и природопользования. Однако этносы не глухо изолированы друг от друга, существуют, по терминологии Э.С. Кульпина [9], «коридоры» и «дыры», «форточки», «двери», «ворота», через которые осуществляются контакты, миграции, переселения. Для территории Западной Сибири таковыми являлись евразийский степной «коридор»; р. Обь с ее многочисленными притоками, берущими начало как из степной зоны, так и с Урала, и сам Уральский хребет.

С ландшафтных позиций непреодолимых преград для контактов не было. На территории Западной Сибири существовали различные этнические территориальные общности, как относительно обособленно живущие народы, основным средством выживания которых является собственно этническое природопользование, так и смешанные людские общности, например, этносы этноконтактных территорий или этноконтактных зон, несущих смешанную этнокультурную и этнохозяйственную многоликость. Здесь происходило длительное совместное хозяйственное освоение данных земель, в котором принимали участие ханты и манси, ненцы и селькупы, русские, сибирские (томские, тобольские, чулымские) татары и коми-зыряне. Этническая история есть процесс многофакторный, испытывающий разные воздействия, история продемонстрировала различные степени совместимости или несовместимости народов, вплоть до их взаимоуничтожения. Позволим себе не согласиться с Л.Н. Гумилевым [6], который утверждал, что «когда в зоне контакта появляется новый этнос, он поглощает, то есть уничтожает оба прежних». В Обь-Ир-

тышской этноконтактной зоне образовался особый «мирный» тип угро-тюрко-славянской интеграции и, несмотря на период некоторого противостояния XVI-XVII вв., ни один этнос не был уничтожен. Базисом же этих отношений является этноприродное взаимодействие, меняющееся в результате природных и социально-экономических перестроек. Как же происходило это взаимодействие в историческое время?

В бореальном периоде дальнейшее улучшение климатических условий вызвало широкое распространение еловых, смешанных и сосновых лесов, которые образовали северную, среднюю и южную тайгу.

Начавшийся в Северной Евразии во второй половине 9 тысячелетия до н.э., значительный сдвиг на север температурных зон означал, что человеком могли быть заселены те регионы, которые ранее были для него недоступны. С изменением климата и появлением лесов Западно-Сибирская равнина стала пригодной для постоянного обитания человека. Исчезновение крупных млекопитающих привело к появлению новых способов охоты, приспособлений и орудий труда, новой технологии их изготовления. Таким образом, заселение территории Северо-Западной Сибири совпало по времени с новым периодом в истории человечества - среднекаменным веком или эпохой мезолита.

В ходе глобальных климатических изменений люди адаптировались к новым природным условиям, изменяя экономику, материальное производство и образ жизни. В этих условиях исторически необходимо было изобретения нового оружия охоты на животных, такое оружие было изобретено - в мезолите появились лук и стрелы. По сравнению с палеолитом мезолитический человек полнее использовал окружающие его природные ресурсы. Хотя присваивающий характер хозяйства в мезолите Западной Сибири сохранялся, наметилась специализация охоты и рыболовства. Обладая луком и стрелами, человек мог вести промысел в одиночку и добывать как крупного и мелкого лесного зверя, так и водоплавающую дичь. Широко стали применяться западни, ловушки и силки. Специализированная охота на стадных животных, характерная для верхнего палеолита, стала почти невозможной, за исключением самых северных областей, в которых сохранилась коллективная загонная охота на северного оленя. В связи с изменением природных условий в центре внимания мезолитических охотников оказались животные, жившие поодиночке или небольшими группами. Охота стала более

сложной и менее успешной. Поэтому мезолитическое население вынуждено было обратиться к добыче иных пищевых ресурсов, в первую очередь это относится к рыбной ловле.

Таким образом, в эпоху мезолита возникли предпосылки для более полного освоения человеком природных богатств. В лесах умеренной зоны Северной Евразии, в том числе на территории таежного Обь-Иртышья, шло становление высокопродуктивного общинного хозяйства охотников и рыбаков. Благоприятные климатические условия послеледникового периода и увеличение количества добываемой пищи неизбежно вели к росту численности населения, которое здесь обитало.

Климат, последующего атлантического периода (6-3 тыс. лет до н.э.), ставший не только более теплым, но и более засушливым, изменил облик лесостепей и степей на обширной территории Юга Западной Сибири - от Притоболья до Прикаспия и Приаралья. Сокращение растительных ресурсов вызвало массовый отход промысловых животных на север, а вслед за ними началось и перемещение людей. В наиболее аридный (сухой) период в конце атлантического периода (около 4 тыс. лет до н. э) в лесостепные и таежные районы Западной Сибири с территории Средней Азии мигрируют прауральские племена кельтеминарской культуры. Высохшие таежные болота позволили мигрантам продвинуться и дальше по Тоболу и Иртышу до Средней и Нижней Оби. Переселенцев было много, о чем говорит значительное количество их поселков. Первоначально они жили замкнутыми родовыми группами, не смешиваясь с аборигенами, но впоследствии пришедшие в Зауралье переселенцы постоянно смешивались с коренным населением, стали перенимать местные обычаи и традиции, в том числе в производстве посуды, орудий труда, строительстве жилищ и т.д.

Но все же при этнических контактах преобладала не конфронтация, а взаимопроникновение культур. Территория Западно-Сибирской равнины была почти не заселена, изобиловала рыбой, дичью, только удобных мест для устройства постоянных поселений было маловато. Основная масса выявленных поселков неолитического населения таежного края располагалась по берегам крупных рек, на хорошо продуваемых террасах с сосновыми борами и кедрачами, то есть в местах богатых рыбой, дичью, ягодами и кедровыми орехами. А вот на мелких речонках, протекающих среди болот, темных ельников, и ныне бедных пищевыми ресурсами, древние станови-

ща встречались крайне редко или отсутствовали вообще. Так что пришельцам-прауральцам и аборигенам приходилось зачастую соседствовать друг с другом. Об этом свидетельствуют археологические находки многочисленных стоянок одного возраста в районе Барсова Гора под Сургутом и в бассейне Конды. В результате соприкосновения двух разных культур зачастую происходит поглощение одной культуры другой, либо они развиваются параллельно, постепенно ассимилируясь, взаимопроникая друг в друга. Причем необязательно побеждает более развитая культура, все зависит от географических условий проживания, т.е. приспособления (адаптации) к ландшафтной среде. Переселенцы-праугры перенимали у аборигенного населения навыки выживания в таежных условиях, передавая им свои навыки домостроительства, ремесла и, наконец, свой язык. Этот процесс ассимиляции был долгим и сложным.

И аборигенное и пришлое праугорское население Обь-Иртышской лесотаежной зоны научилось использовать преимущества комплексного присваивающего хозяйства, включающего рыбную ловлю, охоту и собирательство. Это доказывается не только находками орудия и предметов труда, но и так называемым остеологическим материалом - костными остатками животных, птиц и рыб.

Комплексность этого хозяйства выражается в том, что весь год разбивался на отдельные сезоны, или хозяйственные периоды, в течение которых люди могли добывать наибольшее количество того или иного продукта (мяса, рыбы, орехов, ягод).

Так, при снижении в лесах численности диких животных человек занимался рыбной ловлей, а при исчезновении в реках и озерах после заморов рыбы он отдавал предпочтение охоте. При таком ведении хозяйства люди страховали себя от различных природных случайностей.

В неолитический период намечается и некоторая специализация хозяйства отдельных районов: так, жители низовий Оби занимались в основном рыболовством, а обитатели верховий рек и предгорий Урала - охотой.

Неолитический человек Западной Сибири, оставаясь собирателем и охотником, вступил в союз с природой, используя технические усовершенствования «неолитизации», стремясь приспособить своей воле ее строптивый нрав. В неолите началось более интенсивное и широкое заселение обширных пространств Западно-Сибирской равнины, которому способствовал «климати-

ческий оптимум» атлантического периода.

Процессы коэволюции человека и природной среды на западносибирской территории стали особенно сложными и многогранными, начиная с бронзового века. Именно в эту историческую эпоху в пределах Западно-Сибирской равнины окончательно оформились и приобрели достаточно четкую локализацию три больших хозяйственных ареала. На юге равнины, в степной зоне сформировался ареал производящей экономики с развитым пастушеско-земледельческим хозяйством. В северной части равнины господствовал еще с эпохи неолита ареал присваивающей экономики, только в эпоху бронзы он значительно сократился. Хотя для этого ареала было издревле характерно комплексное промысловое хозяйство, сочетающее охоту, рыболовство и собирательство, в эпоху бронзы здесь уже достаточно четко выделяются четыре типа хозяйства. Эти типы различались между собой преимущественной ориентацией на определенный вид промысла:

- в зоне тундры преобладала подвижная охота на северного оленя;
- для лесного Зауралья господствующим видом была охота на лесных копытных при помощи стационарных заградительных устройств на путях их сезонных перекочевок;
- в таежном Обь-Иртыше сложилось сбалансированное охотничье-рыболовческое хозяйство, в котором охотничий и рыболовческий промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили ярко выраженный сезонный характер; и наконец,
- для Нижнего Приобья главенствующим видом хозяйственной деятельности еще с эпохи энеолита стало оседлое рыболовство [8].

Следует иметь в виду, что между названными типами присваивающего хозяйства не было и не могло быть сколько-нибудь четких и стабильных географических и этнических границ. Акцент на тот или иной вид промысла мог меняться. Так, в плохие для рыболовства годы оседло-рыболовческое население переориентировалось на преимущественно охотничий быт, а охотники, при ухудшении условий промысла зверя, могли перейти на преимущественно рыболовческий образ жизни и т.д.

Тем не менее в широкой территориально-хронологической перспективе названные четыре типа хозяйства и их тяготение к определенным географическим районам отражают реальные локальные тенденции в развитии присваивающей экономики таежной и тундровой зон. Эти типы

хозяйства являлись в древности единственно возможными, наиболее рациональными вариантами адаптации аборигенного населения к экологическим условиям севера Западной Сибири.

Но конечно же эти процессы происходили не одинаково в сформировавшихся на значительной территории Западно-Сибирской равнины и прилегающих к ней регионах двух больших историко-географических зонах - степной и лесостепной на юге и тундрово-таежной на севере. Не говоря уже о ландшафтно-климатических различиях, эти две зоны отличались условиями экономического и культурно-исторического развития настолько значительно, что в них сложились два различных культурно-исторических массива. В степях, начиная еще с энеолита, развивалось скотоводство и земледелие, а на обширной территории западносибирской тайги происходило формирование Обь-Иртышской культурно-исторической общности таежных рыболовов и охотников. Ученые Н.В. Федорова и А.П. Зыков [16] выделили в ней внутреннюю и пограничные зоны. Причем внутренняя зона, включающая территории Среднего и Нижнего Приобья, стала «основной территорией формирования и развития общности, где можно проследить непрерывную линию развития материальной культуры». Для этой культуры характерна достаточно стабильно выраженная консервативность и устойчивость на протяжении всех этапов исторического развития, начиная с эпохи заселения первыми насельцами. Определяется подобная устойчивость образом жизни таежных аборигенов, фундаментом которой служили традиционные формы хозяйствования.

На ранних этапах ведущими факторами коренных перемен в жизни таежного населения были крупные биосферные перестройки. Колебания температурного режима, изменения климата в сторону сухости, или, наоборот, повышенного увлажнения, видоизменяли уклад жизни людей и хозяйственную специализацию экономики. Позднее, в период средневековья, когда Югра оказалась вовлечена в мировую систему пушной торговли, с включением края в состав Российского государства, определяющими стали экономические факторы.

В советский же период и экономика, и жизнь людей, и природные ресурсы оказались в подчиненном положении. Основными же факторами, изменившими коренным образом социально-экономическое развитие региона, стали политические потрясения: революция, гражданская война, Западно-Сибирское восстание, но еще кардиналь-

нее - советизация края и трансформация всех сторон жизни населения. Это повлекло за собой изменения традиционного уклада жизни и хозяйственного, появления иной социальной инфраструктуры, насаждение иной культурной среды.

Примечательно, что если в предыдущие этапы исторического развития миграции населения, изменение их хозяйственного уклада происходили в связи с природно-климатическими факторами, то в советский период эти процессы шли чаще всего «вопреки» природе. В это время процветал как его назвал известный российский экономико-географ Н.Н. Баранский, «географический нигилизм», который был в целом характерен для советской эпохи, долгое время опирающейся на концепцию «покорения природы».

В Западной Сибири географический нигилизм проявился не только в эпоху «битвы за нефть и газ», но и амбициозных, нереализованных, проектах создания Нижнеобской ГЭС и Обского моря, а также «повороте вспять сибирских рек» для спасения умирающего Арала.

Появление и расцвет промышленных цивилизаций способствовали кажущейся независимости человека от динамических естественных изменений биосферы и некоторой «научной эйфории» по этому поводу. Во вторую половину XX в. это фактически привело многие страны и регионы (в том числе и Среднеобской регион) на грань экологической катастрофы.

За три десятилетия в Среднем Приобье произошли уникальные экономические преобразования: практически на пустом месте возник гигантский топливно-энергетический комплекс мирового масштаба. Такого явления не знала ни одна территория бывшего Советского Союза. В то же время и нефтегазовая, и лесная промышленность округа имели преимущественно сырьевой характер, что придавало экономике округа монопрофильный характер, ведущий к зависимости края от поставок извне материалов, техники, оборудования и продовольствия.

Сегодня, оценивая ситуацию с высоты прошедших лет, становится очевидным, что при всех положительных последствиях «эпохи большой нефти» она вызвала в жизни и немало проблем. Среди них и резкое ухудшение экологической обстановки, депрессивные процессы в жизни коренных народов, отставание развития социальной инфраструктуры и многое другое.

Темпы и масштабы изменений, произошедших здесь на территории таежного Обь-Иртышья во второй половине XX в., были наиболее существенными за весь исторический период и уни-

кальными не только для нашей страны, но и для всего мира в целом. С одной стороны, в крае возник гигантский промышленный комплекс, произошел резкий рост численности населения, изменение его национального состава, появилось большое число новых городов. Но с другой стороны, игнорирование природных закономерностей, природосообразного уклада жизни коренного населения вызвало серьезные угрозы для людей и среды обитания. Организационные же и политические методы решения социальных проблем, возникавшие в результате этих изменений, не могли их разрешить, поскольку оставались в рамках советской системы, опиравшейся на догмы, а не на факты и закономерности. Осознание опасности этих негативных явлений стало приходить только в последние годы.

Вступление евро-атлантической цивилизации на рубеже тысячелетий в «постиндустриальную эпоху» характеризовалось развитием процессов глобализации, а с другой стороны, регионализацией и локализацией экономики, тесной ее привязкой к потребностям и возможностям социальных и экологических мезо- и микросред. Все это вместе с информатизацией общества, привело к возможности более тонкой настройки на циклические естественные изменения этапов развития ландшафтов и общества. На новом глобальном этапе актуальной задачей стало региональное прогнозирование долгосрочной динамики геосистем, коэволюции социума и ландшафтной среды для использования результатов в хозяйственной практике.

Заглянуть в будущее не может никто, но пристально всмотреться в него, опираясь на последние достижения научного познания, - дело реальное. Если мы хотим представить себе возможные ситуации развития рассматриваемого нами региона, то должны поначалу идентифицировать центральные, долгосрочные и эффективные тенденции процессов развития, с которыми придется иметь дело в будущем. Существует такое, еще мало учитываемое хозяйственниками определение, как «омnipotentность», или «неизвестный потенциал для будущего». Последние десятилетия прогнозы развития Обь-Иртышского Севера связывались, главным образом, с вопросами о величине запасов нефти и газа, а также количестве лет, насколько их хватит.

Вместе с тем гигантские общественные изменения конца XX - начала XXI в., вызванные динамикой экономического и технологического развития, предъявляют заметно повышенные требования к способности не только страны, но

и отдельно взятого региона, проводить глубоко продуманную и изобретательную политику. По нашему твердому убеждению, регионы исконно являются целостными ноосферно-географическими динамично эволюционирующими образованиями. Каждый регион очень конкретен, различия могут быть настолько своеобразными, что требуется особый аппарат формализации, своя «система управлений», свои подходы. Прогнозы развития таких сложных интегральных систем, как регион, могут быть решены только как пучок возможных направлений развития, отбор наиболее вероятных сценариев.

Условия данной задачи требуют предельно полных, конкретных и, в то же время, предельно формализованных описаний. Причем объект нашего исследования - Средне-Обской регион - до сих пор еще не совсем полно описан, к тому же находится в постоянном изменении, являясь дифференцированной частью пространственной и временной иерархии непрерывно меняющихся окружающих систем - мира, России, циркумполярного пояса.

По нашему мнению, используя для географического прогноза глобальный подход на мезоуровне, на уровне региона, края, провинции, можно определять возможные пути развития таких сложных динамичных территориальных систем - регионов как интегральных целостностей, имеющих вероятностно-закономерный циклический характер развития [14].

На наш взгляд, в начале XXI столетия начали активно проявляться три наиболее важные и опосредованно связанные изменения, способные существенно повлиять на судьбу человечества в целом и ту его часть, которая проживает в циркумполярной зоне Северного полушария, в том числе в Среднем Приобье в частности. Это прежде всего глобальные изменения климата, уменьшение, а возможно, исчерпание запасов нефти и газа с последующим выходом на новые источники энергии, а также перемены в массовом сознании и мировоззрении миллионов людей на планете, ведущие к созданию нового, когнитивного типа общества.

В рамках этих изменений мы пытаемся определить место и роль нашего северного региона в развитии цивилизации, представить развернутую характеристику возможных сценариев будущего, чтобы придать импульс его качественному развитию. По прогнозам специалистов Обь-Иртышский Север с его мощным потенциалом топливно-энергетического комплекса вплоть до середины XXI столетия останется главной топлив-

ной базой страны, причем будет играть роль своеобразного «стартера» для запуска экономики новой России [3]. Однако уже несомненно, что процесс денодификации мировой экономики уже пошел. Что это принесет через 10, 20, 30 лет миру, России, Среднему Приобью? Для этого необходимо конкретно спрогнозировать инвестиции накапливающихся в последние годы «нефтедолларов» в условиях благоприятной конъюнктуры мировых цен, создать фонд для будущего развития других, высокотехнологичных производств. Такая работа уже ведется. Перспективным направлением структурной перестройки монопрофильной экономики округа считается развитие нефте- и газопереработки, нефтехимии. В рамках программы «Топливо и энергия» в ХМАО намечено строительство нефтегазохимкомбинатов в Нягани, Сургуте, Нижневартовске. Другой важной экспортной отраслью для округа может стать электроэнергетика. Перспективным является создание новых энергогенерирующих мощностей за счет использования бурого угля на Приполярном Урале в западной части округа. Там же на базе дешевой энергии можно развивать верхние этажи лесохимии, в частности целлюлозно-бумажное производство.

Самым же грандиозным перспективным проектом для Югры может стать освоение восточных склонов Уральского хребта в рамках проекта «Урал промышленный - Урал Полярный». Освоение Приполярного Урала может сыграть важнейшую роль не только для Югры, но и для страны в целом. Уже сегодня специалисты оценивают богатства этой северной части округа в 7 триллионов долларов. По комплексу полезных ископаемых этот регион идентичен промышленно развитым территориям Урала, и у Югры есть все возможности не просто сформировать новый промышленно-экономический узел, интегрированный с промышленным Уралом, но и создать вместе с ним и с Ямало-Ненецким АО единый мощный территориально-производственный комплекс, охватывающий весь Уральский хребет.

Пока же развитие этой территории сдерживается отсутствием инфраструктуры - транспортной и энергетической. В первую очередь необходимо строительство транспортного коридора Ивдель-Лабытнанги, вдоль восточного склона Урала. Эта трасса уже запланирована, и ее реализации позволит скоординировано развивать единую транспортную систему региона, включая Северный морской путь, речные коммуникации Обь-Иртышского бассейна, а также будущие железнодорожные выходы Северо-Сибирской магист-

рали. Так что развитие приуральской части Обь-Иртышского Севера теснейшим образом связано с другим масштабным территориальным проектом - строительством через Среднее Приобье транспортных коридоров федерального и международного уровня. Наиболее близок к конкретным решениям коридор Томск-Пермь, правда, пока не в железнодорожном, а автомобильном варианте. Если же говорить о перспективах в рамках страны (прежде всего ее азиатской части), то речь идет о континентальной транспортной решетке, связанной с транспортными сетями Китая, Кореи, Японии на востоке, Ираном - на юге и Европой - на западе [13]. Обжитая вдоль новых транспортных коридоров полоса на долгие десятилетия станет материальной и кадровой базой освоения Приполярного Севера. Она выполнит те функции, которые в свое время выполняла в XX в. зона обживания вдоль Транссиба.

Другое важное обстоятельство, которое как мы уже упоминали, будет оказывать существенное влияние на дальнейшую судьбу человечества, в том числе и на территории Среднеобского региона, - это изменения в мировоззрении миллионов людей, ставшее важнейшим фактором экономики, политики и иных сторон социальной жизни.

Цивилизации и этносы, прежде разделенные расстояниями и границами, сегодня с легкостью соприкасаются и становятся взаимопроникаемыми, идет процесс перестройки социокультурного пространства. Этносы перестают быть отдаленными друг от друга, их самобытность нивелируется, переходит на уровень общемировых цивилизаций [17]. В условиях глобальной экономики происходит искусственное изменение ландшафтов, в которых традиционно развивались этносы, экономическая специализация задается в большей степени извне. Эти изменения, по мнению М.П. Карпенко [7], заставляют нас пересмотреть наши представления о факторах, определяющих развитие этносов. На современной стадии развития общества производственные мощности (нефтекачалки, компрессорные станции и т.п.) становятся неизбежно частью «кормящего ландшафта» и определяют развитие коренных этносов. Появилась новая парадигма развития: процветать будет тот этнос, кто в большей мере сохранит свой «кормящий ландшафт», природные условия своего местообитания. Общую тенденцию для такого будущего можно охарактеризовать как переход «кормящего ландшафта» в «кормящие технологии» [7]. Причем проявляется все

большая независимость «кормящих технологий» от конкретных географических условий. А это означает, что границы между этносами все в большей степени будут определяться не географическими, а экономическими, технологическими и главное - юридическими факторами, т.е. ключевым условием целостности этноса, по мнению некоторых авторов [10] становится оформление его отдаленности от других этносов в форме системы договоренностей о взаимном сосуществовании. Это уже произошло с индейцами и эскимосами на Канадском Севере и Аляске. Зачатки подобного процесса начали проявляться и на Обь-Иртышском Севере.

Для этого нужно прежде всего пересмотреть утилитарное отношение к малочисленным народам Крайнего Севера как к каким-то реликтам, сохранение которых носит некое «музейное значение». В условиях угрозы глобального экологического кризиса становится актуальным и востребованным умение коренных народов жить в гармонии с природой. Рациональное природопользование в настоящее время представляется наиболее ценной стороной социального опыта коренных народов Севера.

Понятно, что в сегодняшнем состоянии северные этносы не только не могут выступать в качестве спасителей от экологической катастрофы человечества или хотя бы такого отдельного региона, как Среднее Приобье, но сами нуждаются в спасении. И здесь прежде всего необходима идея формирования позитивной этнической модели будущего. Нельзя вернуться в прошлое на основе реализации утопических проектов всестороннего «возрождения» традиционного способа хозяйствования и традиционной национальной культуры. В XX столетии кардинальным образом изменились условия жизни северных народов, существенно трансформирована среда их обитания, насильственно прерваны многие традиции прежнего образа жизни.

На наш взгляд, наиболее реальный путь возрождения коренных народов Среднего Приобья предполагает адаптацию к современным экономическим условиям, интеграцию в общие процессы развития региона, страны, мира. В то же время нужно разрабатывать и внедрять в жизнь реальные программы поддержки, а не изобретать искусственные схемы. Идею сохранения северных народов необходимо перевести «из области альтруизма в сферу экономической целесообразности» [10]. Проводимая на первых порах политика патернализма должна замениться протекционизмом, обеспечивающим приоритетность

прав и интересов аборигенов, что приведет их к истинному равенству в отношениях с более мощными экономическими субъектами региона.

В рамках рассматриваемой здесь прогностической модели будущего Среднеобского региона мы исходим из того, что основы вырисовывающегося на горизонте общественного порядка и благополучия базируются на знании - это переход к так называемому «когнитивному обществу» и «когнитивной экономике» [2]. Подобный тип экономики будущего основан на научном и технологическом потенциале, инновациях, высоких технологиях и в тот же время является ресурсо- и средосберегающим. По нашему мнению, у северных регионов есть все возможности, используя накопленный инвестиционный фонд, осуществить переход к новому, когнитивному типу экономики. Собственно говоря, будущее региона надо просчитывать не из количества леса, минералов и нефти, как это принято до сих пор, а из того уровня квалификации, который существует у населения. За годы «нефтяного бума» в ХМАО сложилось уникальное социальное сообщество людей - мультикультурное, образованное, технически грамотное. К тому же на уровне руководства округа собралась команда профессионалов, понимающих и правильно оценивающих будущее.

Так что, как нам представляется, есть все предпосылки, чтобы вопреки прогнозам [11] построить в XXI в. когнитивный тип экономики не только в европейской части России, но и на Обь-Иртышском Севере. По сути, в Югре уже всю работу по построению «электронного

региона» созданию фундамента для будущих наукоградов, которыми могут стать Ханты-Мансийск, Сургут и Нижневартовск.

И, наконец, исходя из выявленных нами тенденций [1], связанных с одной стороны, с возможными, с высокой степенью вероятности, климатическими изменениями, а с другой стороны, с современными миграционными процессами, было бы рациональным выстроить верный тренд в контексте программируемых общественных последствий.

Отметим еще и то, что Север перестает быть чисто географическим понятием, он «превращается в полюс культуры, символизирующий как трагическую направленность конфликтного взаимодействия человека и природы» [5], так и одну из самых перспективных территорий для будущего развития человечества.

Мы не взяли на себя смелость утверждать, что подготовили верные и однозначные рецепты для будущего развития Обь-Иртышского Севера, оставив за собой только постановку исследовательской проблемы. Думается, что исследования прошлого, настоящего и будущего социумов на конкретных территориях не являются прерогативой исключительно исторической географии, но многих когнитивных наук с другими подходами и взглядами на одни и те проблемы. Однако знания, добытые в ходе таких исследований, помогут нам лучше и точнее представить себе тот главный вызов, который бросает нам наше будущее с его тысячью неопределенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аитов И.С., Гололобов Е.И., Рянский Ф.Н., Середовских Б.А.* Введение в историческую географию Среднего Приобья // Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки. Вып. VII. Тюмень: Мандр и Ка, 2005.
2. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н.* Когнитивные науки: от познания к действию. М.: КомКнига, 2005.
3. *Быковский В.А.* Север Западной Сибири на рубеже третьего тысячелетия. Региональная экономика и социальная проблема. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2002.
4. *Величко А.А.* Природный процесс в плейстоцене. М.: Наука, 1973.
5. *Гололобов Е.И.* Взаимодействие природы и человека на севере Западной Сибири // Тез. докл. и сообщ. XV Всерос. науч. конф. «Источниковедческая компаративистика и историческое построение». М., 2003.
6. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: Прогресс-Экопрос, 1993.
7. *Карпенко М.П.* Информационная революция и глобализация образования в свете учений В.И. Вернадского и Л.Н. Гумилева // Вестн. РАЕН. 2004. № 4.
8. *Косарев М.Ф.* Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
9. *Кульпин Э.С.* Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М., Наука, 1992.
10. *Куриков В.Н.* Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой - в третье тысячелетие. Екатеринбург: Изд. дом «Зевс»,

- 2000.
11. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005.
 12. *Рянский Ф.Н.* Фрактальная теория пространственно-временных размерностей. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1992.
 13. *Рянский Ф.Н.* Новый территориальный проект для обживания Сибири: концепция возможности реализации транспортной решетки на Обском Севере // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2003.
 14. *Рянский Ф.Н.* Синергетический и гуманистические принципы экологического районирования территории // Исследование закономерностей развития регионов как сложных интегральных систем. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1994.
 15. *Рянская Э.М., Рянский Ф.Н.* Цивилизации, культуры, языки на севере Западной Сибири: дефиниции и реалии // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы II Междунар. научн. конф. Нижневартовск: ООО «Полиграф Инвест-сервис», 2004.
 16. *Федорова Н.В., Зыков А.П.* цит. по: Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
 17. *Цаплин В.С.* Странная цивилизация. М.: Астрель: АСТ, 2006.
 18. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // ЗГО. Т. 16. М., 1957.

THE WAYS OF COEVOLUTION OF THE SOCIETY AND NATURE IN THE CENTRAL OB REGION AND ITS URAL-SIBERIAN SURROUNDINGS: NATURAL PREMISES AND SOCIAL CONSEQUENCES

© 2007 F.N. Ryanskij, B.A. Serevovskih
Nizhnevartovsk State Humanitarian University, Nizhnevartovsk

As a result of synthesizing historical and geographical researches the authors for historical time emphasized 17 stages of the combinations of climatic, ecological reorganizations and interconnected economics and society for the territory of the Central Priob. From the end of the XX centuries we live, and we shall live the whole of the twenty first century in the eighteenth one. Proceeding from the tendencies revealed, it would be efficient to formulate a correct trend in the context of the programmed social consequences.